

Гу Чжису ожидал, что он разочаруется в Гу Вэньине, но не предполагал, что тот будет настолько спокоен. Он долго смотрел на него, прежде чем выдохнуть и тихо сказать:

— У меня есть одна просьба к третьему брату, но я не знаю, стоит ли её озвучивать.

Гу Чжихуай, услышав это и увидев его серьёзность, с улыбкой кивнул:

— Говори, я не могу обещать, что соглашусь, но точно не расскажу никому.

— Третий брат, ты преувеличиваешь. — Гу Чжису, вспомнив о Дугу Яне, понимал, что ему нужно найти человека, который сможет помочь в третьем доме. Такой помощник, хорошо знакомый с третьим домом, как Гу Чжихуай, сможет быстро разобраться в ситуации. Он серьёзно понизил голос и сказал:

— Это касается... третьего дяди.

Снежинки медленно падали, повозка катилась вперёд, и уже можно было разглядеть ворота дворца.

Гу Чжису, сидя в повозке, рассказал о матери Дугу Яна, немного утаив детали:

— Вот как обстоят дела, третий брат, ты готов помочь? Если это сложно...

Гу Чжихуай, услышав о Дугу Яне, изменился в лице, с лёгкого выражения перейдя к серьёзному. Подумав, он кивнул:

— Если этот человек действительно скрывает мать того господина в доме Гу, то я могу попробовать найти её. Но если она находится за пределами дома Гу, я вряд ли смогу помочь.

Гу Чжису, увидев его искреннее желание помочь, с улыбкой поблагодарил:

— Третий брат готов помочь, это замечательно.

Гу Чжихуай, увидев его вежливость, в темноте слегка покачал головой и тихо сказал:

— Мы с тобой почти ровесники, не нужно быть такими формальными. Я сейчас женский шуан... так что в будущем у меня не будет именного иероглифа, если ты не против, можешь звать меня просто по имени.

Гу Чжису уловил глубокую печаль в его словах, зная, что выбор стать женским шуаном был сделан из-за того, что если бы он стал мужчиной, законная мать, у которой ещё не было сына, несомненно, стала бы его притеснять. У него не было матери, и отец его не любил, поэтому он просто последовал желанию законной матери и стал шуаном.

— Если третий брат не против, я дам тебе именной иероглиф, хорошо?

Гу Чжихуай не ожидал этого и замер на мгновение, прежде чем медленно опустить голову. Гу Чжису, увидев его выражение, понял, что он не сопротивляется, а просто не знает, как реагировать, и с улыбкой продолжил:

— Иероглиф «Хуай» означает чистоту... Как насчёт Циньиня?

Гу Чжихуай, услышав это, снова поднял голову, с неопределённым выражением сжал губы:

— Цинъинь... Похоже на имя отшельника.

Гу Чжису тихо выдохнул и чётко произнёс:

— Пусть это имя принесёт тебе пожелание спокойствия, чтобы жизнь третьего брата была тихой, как у отшельника, и никто не нарушал её покой.

Гу Чжихуай понял, что он имеет в виду его законную мать, и на его губах появилась лёгкая улыбка, наполовину с грустью, наполовину с покорностью:

— Да, я бы хотел жить, как ты, но у меня нет таких способностей. Если не можешь противостоять, лучше избегать, верно? Поэтому я стану отшельником. Спасибо за имя, мне оно нравится.

Его слова только что прозвучали, как у повозки появился слуга резиденции князя И и тихо доложил:

— Два молодых господина, мы у ворот дворца.

Гу Чжису и Гу Чжихуай один за другим вышли из повозки и увидели, что старая госпожа, Гу Вэньмянь и госпожа Синь уже скрылись из виду. Второй дом уже входил во дворец под руководством главного евнуха, а жена Гу Вэньина из третьего дома, госпожа Цянь, оглянулась и холодно посмотрела на двух шуанов. Она не прогнала Гу Чжису и ничего не сказала, лишь фыркнула и проигнорировала их, войдя во дворец со своими законными детьми.

Гу Чжихуай, хотя и был старшим, шёл позади Гу Чжису, не проявляя ни спешки, ни беспокойства. Они последовали за маленьким евнухом на пир, поклонились императору и императрице, сидящим наверху, а затем осторожно встали вместе с законной матерью. Гу Чжису и Гу Чжихуай обменялись взглядами, и два шуана сели в самом дальнем углу, у колонны, молча наблюдая, как чиновники один за другим поздравляют императрицу с днём рождения.

Праздник Цяньцю был днём рождения императрицы, и по логике она должна была быть счастлива. Однако сегодня, сидя недалеко от неё, Синь Юаньши, который грыз пальцы, почему-то был в странном возбуждении. Каждый раз, когда чиновник начинал поздравлять, Синь Юаньши начинал стучать по столу. Со временем это стало не только неловко для поздравляющих, но и император наверху нахмурился, заставив императрицу покраснеть от гнева, не чувствуя никакой радости.

Гу Чжихуай, наблюдая эту сцену издали, невольно приблизился к Гу Чжису и тихо спросил:

— Почему наследный принц ведёт себя так? Во дворце столько врачей, неужели нельзя его вылечить?

Гу Чжису спокойно посмотрел в ту сторону, его глаза на мгновение остановились на лице Синь Юаньши, а затем резко скользнули в сторону. Он вертел в руках бокал и тихо сказал:

— Кто знает? Возможно, это неизлечимо... Иначе у императрицы только один наследный принц, и Его Величество хочет, чтобы сын наложницы стал наследным принцем, но наследный принц до сих пор не вылечен. Есть ли тут какой-то подвох... — Дело наследного принца и императрицы в то время было ему неизвестно, а позже, когда императрица и наследный принц внезапно умерли, а Синь Юаньпин занял трон, он так и не узнал, действительно ли болезнь наследного принца была неизлечима и что замышляла императрица.

Гу Чжихуай, увидев, как он говорит это, задумчиво опустив глаза, невольно огляделся и тихо предупредил:

— Здесь лучше быть осторожным в речах.

Гу Чжису, увидев его беспокойство, с улыбкой кивнул:

— Верно, осторожность не помешает.

В тот момент, когда он произнёс эти слова, Чэнь Мин, сидевший напротив, уже подошёл, чтобы поднять тост за императрицу. После того, как императрица кивнула, он снова сел и начал разговаривать с соседом, но через мгновение его лицо изменилось, и он поднял что-то с пола. Гу Чжису, хотя и не мог разглядеть издали, смог заметить, что в его руках был ярко-красный предмет.

Проводив Чэнь Мина взглядом, Гу Чжису медленно опустил голову, глядя на изумрудное вино в своём бокале, и с интересом улыбнулся.

В тот момент, когда он наклонился, чтобы выпить вино, Цянь Имин, сидевший напротив, долго смотрел на него. Увидев, что он выпил вино, Цянь Имин с удовлетворением поднял руку, и служанка в белом дворцовом платье с миндалевидными глазами и бледной кожей подошла, наклонившись, чтобы выслушать его приказ.

— Позже ты отведи его туда и попутно подсыпь ему снадобье. Я буду ждать в боковом зале, поняла?

Служанка тихо согласилась, опустив голову, но отлично скрыла насмешливый оттенок в бровях:

— Да, господин.

Цянь Имин наблюдал, как служанка направилась к Гу Чжису, налил себе вина и слегка приподнял бокал, словно издали поднимая тост за Гу Чжису, который сидел с равнодушным выражением лица и даже не заметил его. Затем он с удовлетворенной улыбкой выпрямился и скрылся за столом.

Как только его фигура исчезла, служанка, пошедшая с поручением, уже подошла к Гу Чжису и, несмотря на удивлённый взгляд Гу Чжихуая, низко поклонилась, с мягкой улыбкой сказав:

— Четвёртый господин Гу?

Гу Чжису обернулся и посмотрел на неё, заметив, что она выглядит знакомой, но не смог вспомнить, где видел её. Он приподнял бровь:

— Ты кто?

Служанка почтительно опустила голову и, отвечая, слегка повернула запястье, обнажив бледную кожу с татуировкой в виде полумесяца:

— Рабу зовут Юэ Яо, мой хозяин приглашает вас побеседовать.

Гу Чжису, увидев тёмно-синий полумесяц, сразу вспомнил, кто она такая. Его взгляд смягчился, и он посмотрел на Гу Чжихуая, ставя бокал и поднимаясь:

— Третий брат, мне нужно ненадолго отлучиться. Если мать заметит, что меня нет, скажи, что я ушёл в отхожее место и ещё не вернулся.

Вторая глава? Насчёт вчерашнего дела с повторяющейся главой я стараюсь всё исправить, не волнуйтесь, целую!

<http://bllate.org/book/16652/1525995>